

**Мария
Стародубцева**
**с. Кытманово,
Алтайский край**

Путь домой

Повесть

Глава 5

Если спишь, то тебе снятся сны. Сны мне снятся цветные, яркие и красочные, даром что кошмары. Снится почти каждую ночь одно и то же: удар, боль, визг женщины, звавшей ребёнка, треск огня, пожиравшего автобус, гудки машин, попавших в пробку на кольцевом выезде, бледное лицо Славки Геринга, сжимавшего непослушными пальцами кусок стекла, торчащий из живота. Снится бездонное, пропылённое серой дымкой жары голубое небо в дырке на месте автобусного верха, в которой пролетела какая-то птица вроде голубя, снится зелёная тёмная листва тополей, крашенных белой известью, подстриженных екатеринбургских тополей, натканных по всему городу, мимо которых мы ехали, вырубивая на ту несчастную кольцевую трассу. Снится только это, обрываясь резкой холодной темнотой. Саму аварию я почти не помню днём, она всплывает ночью, когда мне не-

чем отвлечь себя, нечем занять свой мозг, и он услужливо подсовывает мне любимый примелькавшийся сюжет моей чёрной комедии. Во сне я возвращаюсь туда снова и снова, с хронографической точностью оказываясь в одной и той же минуте, в одном месте, и огонь затягивает меня, как топкое болото, из которого не вырваться и не закричать, ведь по законам сна, крики здесь бесшумны, и сны мои немые, но от этого ещё ужаснее – видеть разъявленные рты и понимать, что они кричат. Не так страшен вопль во весь голос, страшен крик, подавленный до шёпота, заглушённый до немого вздоха.

За несколько недель я привык к своим кошмарам, мне они стали безразличны, более того, я скучал по ним и ждал ночи с нетерпением, ждал, когда искусственную темноту в моих глазах сменит темнота истинная, ночью не видно, что ты слеп, ночью слепы все. Я выучил в кошмаре каждую мелочь и мог смеяться над ними, оставаясь наедине с собой, что случалось постоянно, и я был рад этому. В одиночестве не перед кем притворяться и играть дешёвую оперетту. Я не до конца ещё понимал, что то, что со мной сейчас, – это навсегда, я думал, это временно, я верил в это и на это надеялся. Я словно бы играл эти пару недель, примеряя на себя роль калеки, забыв, что эта маска приросла к моему лицу пожизненно. Пожизненное заключение в тюрьму без окон, без дверей, без малейшей щели, куда проникал бы солнечный свет. И каждую ночь перед сном я придумываю себе жизнь, которую очень хочу, прокручиваю в голове диалоги, которых никогда не будет.

Когда я мну в руках какую-то тряпку, я не вижу её цвета, но буднично говорю матери, что она очень красиво в ней выглядит, а она смущается и виновато смеётся. Один раз, в третьем классе, я сорвался с заброшенной постройки, к которой мы бегали с пацанами, и сильно ударился, расшиб себе висок. Открыв тогда глаза, я не увидел ничего, кроме сплошной темноты, и дикий страх тогда прорезал меня, неужели это навсегда? И какое же было счастье узнать, что это всего лишь камень, в сантиметре от ко-

торого я упал. Когда я его отодвинул, мне в глаза ударило медное закатное солнце восьми часов вечера августа, а я смотрел на него и глупо улыбался, страшно довольный, что та жуткая темнота мне только померещилась. Темноту было потом легко разглядеть в моих глазах снаружи, естественно, сколько себя помню, они были чёрные, как и волосы, только теперь они так же черны изнутри, как снаружи. И они болят. Болят приходящей, то стихающей, то возвращающейся болью, фантомной болью, они просто не могут болеть. Они есть, я могу их трогать, врачи мне сшили лицо, вытаскивая оттуда стекло, возле глаз, там, где у других людей морщинки, у меня тонкие белые рубцы от снятых швов, я могу тереть глаза, чувствовать свои ресницы, длинные и пушистые и такие же чёрные, хотя раньше, месяц назад, мне не было до них никакого дела, они были чем-то естественным, само собой разумеющимся. Мои глаза остались прежними, разве подумаешь при встрече, что эти глаза совершенно ничего не видят? Разве догадаешься, сколько раз я просыпаюсь среди ночи и тру глаза ногтями, царапая их в очередной бесплодной попытке соскрести с мира чёрный экран?! Когда просто закрываешь глаза, черноты никогда нет, есть вспышки от света, есть красноватый туман пульсирующей живой ткани века, есть расходящиеся круги, а если надавить на глаз, то появятся синие на красном прожилки глазных вен, но черноты не будет. Даже ночью перед глазами нет той черноты, какая окружает меня сейчас.

И чернота не сплошная, она тоже пульсирует, она выуживает из мозга воспоминания и заставляет меня видеть их снова и снова. В черноте легче проявляются лица. Я не кричу по ночам и не кричу днём, но я постоянно вижу перед собой лица моих друзей, живых, не мёртвых. Тех, какими они были пятого июня, в кинотеатре, когда мы всем скопом рванули смотреть «Варкрафт». Мы с моими весёлыми, иногда ехидными, вечно что-то жующими и спорящими по поводу героев игры друзьями. Мы с Никитой можем сколько угодно играть

друг перед другом стойков, притворяться, что смех залечивает всё, но, оставшись в одиночестве, мы чувствуем одно – пустоту. Я стараюсь об этом не думать, однако лица, мелькающие в черноте, не исчезают, ночной кошмар переходит в дневной, в дневную пытку вечно видеть перед собой улыбающиеся лица мертвецов, слышать в своей голове знакомые голоса, визгливый тенор Сашки, обиженный бас Геринга, когда мы подкалывали его по поводу любимых байтсов из курицы в кафе кинотеатра, смех язвительного Никиты, когда он подкалывал Гугла по поводу проблем с красным дипломом, слышать свой собственный голос, весёлый и твёрдый, слышать свой смех и не хотеть их забывать.

Пустота не может ничего создавать нового, она может лишь воскрешать счастливые воспоминания, которым ты не придавал важности, считая их мимолётными, однодневными, но именно они станут твоим бичом, который ты сам заносишь над собой. Я часами лежу, отвернувшись к стене, и вожу по ней пальцами, потому что мне мерещится, что так я прикасаюсь к лицам своих друзей, и я знаю, что это морок больного воображения, я не сошёл с ума и не собираюсь сходить, но мне от этого не легче. Это громко будет сказано, но это же ужас. И ты часть ужаса, ты носишь его в себе, и, куда бы ни бежал, он будет с тобой. Это бесполезно кому-то рассказывать, мать не заслужила себе ещё и психа на шею, а Мотор чувствует то же самое, он не говорит, но вздрагивает всем телом всякий раз, когда слышит подходящий к остановке под нашими окнами автобус.

Мне сняли гипс, врач закрыл мою карту и с натянутым весельем и благодушием сказал, что я почти поправился и скоро опять буду играть в баскетбол. Кретин! Пусть подавится своим баскетболом! Ходить я после ещё трех недель, именуемых реабилитацией, могу еле-еле, с тростью, вернее, с деревянным тяжёлым толстым костылём, принесенным матерью от соседки, у которой муж разбился и ходил с ним. Мать решила обрадовать меня импровизированной

выпиской и обрадовать себя тем, что с плеч свалилось примерно двадцать процентов проблем, не надо больше тащить меня на себе на пятый этаж, и усадила меня во дворе на скамейке, а сама убежала в магаз за продуктами. Сидеть на скамейке, опираясь на костыль, поджав ноющие ещё от долгой ходьбы от больницы ноги, вытаращив в пустоту невидящие глаза, – глупое и жалкое зрелище, я чувствую, что мне не двадцать один год, а девяносто с лишним и мне только и остаётся, что сдохнуть. Осознание приходит постепенно, теперь я и хотел бы играть, но нахожу силы лишь выть, и выть молча, мне не нужны материнские слёзы, она этого не заслужила. Вокруг меня играет какая-то мелюзга, я не вижу их, только слышу, как кто-то раскатывает на велике, кто-то, совсем мелкий, плачет в песочнице, хоть раз мне пригодились знание моего двора.

До ушей долетает шёпот стайки малолеток, опасно приближающейся ко мне. Кто-то, кажется, подошёл, такое ощущение, что у меня перед носом быстро провели рукой, я почувствовал ветер от движения. Потом пацан быстро отбежал обратно к своим.

– Ну и что ты мелешь? – долетел до меня недовольный свист. – Парень как парень, с тросточкой.

– Да стопудово говорю, – возражает тонкий голос, – слепой. Я ему перед глазами махал, как мельница, а он ноль внимания. Хочешь, подойду и спрошу, а? На спор!

– Давай-давай, – засмеялись пацаны, я невольно содрогнулся. Секундой позже в лицо мне пахнуло чьё-то дыхание.

– Скажите пожалуйста, – вежливо спросил меня тот же пацан, что подначивал дружков на спор, – а вы реально ничего не видите?

– Пошел к чёрту! – спокойно говорю я и намеренно отворачиваюсь.

Покрутившись возле ещё пару минут, пацаны исчезают, я их больше не слышу. Только жара и писк каких-то птиц в кустах

да урчанье голубей на крыше. Сидеть здесь, на скамейке, после заточения дома, дышать свежим воздухом означает для меня быть выставленным на посмешище. И теперь уже точно против воли по лицу текут слёзы, которые я быстро смахиваю, чтобы никто их не видел.

Вечером Никита с матерью разговаривают на кухне, думая, что я сплю. Отсюда слышу, как мама нервно размешивает сахар в чае, постукивая ложечкой по краям чашки, стучит так уже минут пять, совсем забыв про чай. Никита курит, я чую сигаретный дым.

– Слушай, Никит, – взволнованно говорит мать, – он сегодня как пришибленный ходит, с самого обеда. Может, на него снятие гипса так подействовало?

– Не знаю, тётъ Лид, – скороговоркой отвечает он в перерыве между затяжками. Бесит: весь дом провоняет сигаретами, ненавижу сигареты! Ненавижу, когда меня обсуждают! – Зря вы его на улицу вывели, наверно, кто-то его заметил. А он это и раньше не любил, не то что теперь.

– Ты куда осенью, Никит? – Надо же, какой у нее интерес к судьбе Мотора, раньше за ней не наблюдалось.

– Не знаю ещё, поеду в город, попробую наняться в частную фирму. На производство идти бесполезно, попрошусь в рекламную продукцию. А там как получится, в крайнем случае вернусь в универ на нашу кафедру.

– А твоя рука?

– Что рука, тётъ Лид? Она сохнет, так мне в районке сказали, и с ногой проблемы. Посмотрите на меня, тётъ Лид, у меня скоро полтела отсохнет, врач сказал, там что-то перешиблено и он ничем не поможет! А на Витьку взгляните, он же хуже чучела теперь, растение, овощ! Мы как неприкаемые теперь, неприкаемые, от меня работодатели шарахаться будут, стопудово, зачем им в рекламе такое чудовище с перекошенным лицом? Хорошо, он меня не видит, перед ним-то я бодрюсь, его можно обманывать, а только он всё чувствует! Смотришь на него, а он буравит тебя взгля-

Больше произведений автора
по ссылкам

<http://www.proza.ru/avtor/maria70>,
<http://www.stihi.ru/avtor/snegova1>

дом, тем же, что раньше, острым, внимательным, а отойдешь на шаг, он всё в одну точку смотрит, не слышит! Ещё в суд идти хочет, ждал, пока гипс снимут. Куда ему в суд, отговорите вы его, пожалуйста! – Никита говорит почти умоляюще, а у меня внутри кипит каждая капля крови! Зачем он так обо мне, как о животном, о собаке какой-то? Зачем он так нагло меня жалеет, это же смешно, неужели он не понимает?!

– Я на него и смотреть боюсь, – мать говорит теперь, как старушка, пугливая матрона, а ей едва за сорок. – Он так смотрит, как ненормальный, и всё что-то шепчет и лежит целыми днями, отвернувшись к стене, уставившись в обои, чертит что-то.

– Чертит, – Мотор грустно усмехается, – он же отличником по черчению был, да ещё худграф за три года. Может, вспомнить что-то хочет. Что он там делает, спит?

– Кто его знает, – мать вздыхает, чуть ли не плача. Господи, какая наигранность! – Просит включать ему телевизор, на половину громкости, а смотрит совсем в другую сторону, в стену, забыв про телик. А выключишь – злится, то ли плачет, то ли смеётся. И смотрит так, будто убьёт через минуту. И всё время улыбается, шутит, называет себя гангстером. А у меня сердце кровью обливается, когда я смотрю на него, да и на тебя! Извини, пожалуйста, – совсем тихо шепчет она.

– Не беспокойтесь, тётя Лид, всё с нами будет нормально, – деланным бодрым голо-

сом говорит Никита так громко, чтобы и я слышал. Давай, давай, проявляй заботу, как же! Что тебе от меня надо? Что вам всем от меня надо, а? Я же овощ по-вашему, вы же смеётесь надо мной! Как те придурки с улицы, вы такие же! Нет, я ещё жив, я ещё здесь, вы меня слышите?! – Я устроюсь на работу, я не забуду о нём, обещаю! Мы же друзья!

– Пошёл ты со своей дружбой! – кричу я визгливым тонким голосом, на кухне воцаряется мёртвое молчание. – Вали отсюда, понял! И её можешь прихватить, раз уж вы так спелись! Хватит говорить обо мне, как о покойнике! Хватит меня жалеть и ржать надо мной, я не вещь, не овощ, поняли, дебилы! Уходите, все, уходите! – Я шарю рукой, нащупываю костыль и молочу им об стену, потом швыряю его в сторону кухни, там звенит стекло, Никита раздражённо орёт:

– Хватит тебе там, мы же добра хотим! Хорошо психовать, и так уже достало! Мать на тебя горбатится, а ты на неё орёшь, Витька, тебе же не пять лет!

– А мне твоего добра не надо! – кричу я в ответ. – Можешь подавиться им. Не лезь ко мне и не жалея меня!

Никита проходит мимо, обдав меня холодом, хлопает входная дверь. Я не могу даже подняться с кресла, сижу и плачу, как идиот, почти в голос, стараясь не слышать тихие всхлипы запуганной матери.

(Продолжение следует)

Волны бьются о скалы

Психологическая драма

Кол-во страниц: 80

Формат: А5

Обложка и переплет:
мягкая глянцевая

Купить книгу по ссылке

<http://planeta-knig.ru/shop/1825/desc/volny-bjutsja-o-skaly>